

Мацевский Герман Олегович

РОССИЙСКОЕ КАЗАЧЕСТВО В КОНЦЕ XX ВЕКА: ОСОБЕННОСТИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ

В статье рассматриваются особенности политической культуры российского казачества в конце XX в. Являясь частью общероссийской политической культуры, политическая культура современного казачества несет целый ряд разносторонних черт, как традиционно-российских, так советских и модернистских при сосуществовании множества этнонациональных, региональных, конфессиональных и иных субкультур.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2011/5-3/30.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2011. № 5 (11): в 4-х ч. Ч. III. С. 115-118. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2011/5-3/

© Издательство "Грамота"

Информацию о том, как опубликовать статью в журнале, можно получить на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

7. **China and Christianity: Burdened Past, Hopeful Future** / ed. by Stephen Uhalley, Xiaoxin Wu. Armonk (N.Y.), 2000.
8. **Elvin M.** The Collapse of Scriptural Confucianism // Papers on Far Eastern History. 1990. Vol. 41. P. 45-77.
9. **Faber E.** Chronological Handbook of the History of China: a Manuscript Left by the Late Rev. Ernst Faber / ed. by Pastor P. Kranz. Shanghai, 1902.
10. **Fung Yu-Lan.** A History of Chinese Philosophy. Princeton, 1953. Vol. II. The Period of Classical Learning (From the Second Century B.C. to the Twentieth Century A.D.) / tr. by Derk Bodde.
11. **Goossaert V.** 1898: The Beginning of the End for Chinese Religion? // Journal of Asian Studies. 2006. Vol. 65. № 2. P. 307-336.
12. **Hsü Immanuel C.-Y.** The Rise of Modern China. 3rd ed. N.Y. - Oxford, 1983.
13. **Richard T.** Forty-Five Years in China: Reminiscences. N.Y., 1916.
14. **Zürcher E.** Confucian and Christianity Religiosity in Late Ming China // The Catholic Historical Review. 1997. Vol. 83. № 4. P. 615-622.
15. 葉德輝. 翼教叢編 (Е Дэ-хуй. И-цзяо цун бянь (Собрание трудов Преданного Учению). Тайбэй, 1971).
16. 梁啟超. 清代學術概論 (Лян Ци-чао. Цин дай сюэ шу гай лунь (Очерк учений династии Цин). Шанхай, 1998).
17. 梁啟超. 南海康先生傳 // 康有為全集 / 姜义华, 张荣华编校 (Лян Ци-чао. Наньхай Кан-сяньшэнь чжуань (Биография учителя Кана Наньхайского) // Кан Ю-вэй цюаньцзи (Кан Ю-вэй. Полное собрание сочинений) / Цзян И-хуа, Чжан Жун-хуа бянь цзяо (ред.-сост. Цзян И-хуа, Чжан Жун-хуа). Пекин, 2007. Т. 12. С. 422-439).
18. 泰西新史攬要: 24卷 / 馬瑟西著; 李提摩太譯; 蔡爾康述 (Тайси синь ши ланьяо: эр ши сы цюань (Наиболее важные события из новейшей истории Европы и Америки в 24 свитках) / Макэнси чжу; Ли Димотай и; Цай Эр-кан шу (Р. Макензи, устный перевод Т. Ричарда, письменное изложение Цай Эр-кана). Шанхай, 1995).
19. 天道溯原 / 丁韪良編 (Тянь дао су юань / Дин Вэй-лян бянь. Тайбэй, 1967).
20. 自西徂东 / 花之安著 (Цзы си цу дун (Наступающий Запад, уходящий Восток) / Хуа Чжи-ань чжу (Сочинение Э. Фабера). Шанхай, 2002).
21. 請商定教案法律, 厘正科舉文体, 听天下鄉邑增設文庙, 并呈«孔子改制考»折 // 康有為全集 / 姜义华, 张荣华编校 (Цин шандин цюань фалюй личжэн кэцзой вэньти тин Тянься ся и цэньшэ вэньмянь бинчэн «Кун-цзы гай чжи као» чжэ (Прошение об издании закона, препятствующего инцидентам с иностранными миссионерами, исправляющего систему государственных экзаменов, позволяющего строить храмы Конфуция во всех селах и городах, и о представлении [государю] книги «Учение Конфуция об изменении правления») // Кан Ю-вэй цюаньцзи (Кан Ю-вэй. Полное собрание сочинений) / Цзян И-хуа, Чжан Жун-хуа бянь цзяо (ред.-сост. Цзян И-хуа, Чжан Жун-хуа). Пекин, 2007. Т. 4. С. 92-95).

KANG YOUWEI, "CONFUCIAN CHURCH" AND CHRISTIAN MISSIONARIES: ABOUT ONE LITTLE-KNOWN PAGE IN HISTORY

Dmitrii Evgen'evich Martynov, Ph. D. in History
Department of Eastern History and Culture
Kazan' (Volga Region) Federal University
dmitrymartynov80@mail.ru

The author considers the little-known aspect of the activity of the great Chinese reformer – Kang Youwei (1858—1927) - who suggested to transform Confucianism into state religion organized per sample of Christian churches during the period of the movement for reforms in 1898. It happened under the influence of western missionaries but Kang Youwei treated their theories selectively and from the pragmatic point of view.

Key words and phrases: Kang Youwei; Confucianism; Christianity; state religion.

УДК 94(470)"19"

В статье рассматриваются особенности политической культуры российского казачества в конце XX в. Являясь частью общероссийской политической культуры, политическая культура современного казачества несет целый ряд разносторонних черт, как традиционно-российских, так советских и модернистских при сосуществовании множества этнонациональных, региональных, конфессиональных и иных субкультур.

Ключевые слова и фразы: российское казачество; возрождение казачества; политическая культура; политическая жизнь.

Герман Олегович Мацевский, к.и.н.

Кафедра гуманитарных и социальных дисциплин

Воронежский государственный университет (филиал) в г. Старый Оскол

2007nauka@mail.ru

РОССИЙСКОЕ КАЗАЧЕСТВО В КОНЦЕ XX ВЕКА: ОСОБЕННОСТИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ[©]

В последнее время в России наблюдается повышенное внимание широкого круга учёных, а также общественных и политических деятелей к феномену политической культуры. Это связано с тем, что политическая

культура, являясь составной частью общей культуры народа, определяет не только темпы и характер политических преобразований, исход политических процессов и развитие различных сфер общественно-политической жизни, но и жизнеспособность самой исторической системы [10]. В конце XX в. на фоне нарастающего общесистемного кризиса, российско-советская политическая система актуализировала ряд социокультурных феноменов, до того времени слабо проявленных, находившихся в некоем латентном состоянии. К числу этих феноменов относится и казачество, возрождение которого во многом повлияло на «самочувствие» российской государственности в рассматриваемый период.

Однако при всей значимости осмысления проблем проявления политического сознания и политической культуры, в современной отечественной исторической науке до сих пор практически нет специальных исследований, посвященных данным вопросам.

В 1990-е гг. в историографии казачества были более популярны темы о происхождении казачества, самой дефиниции «казак», рассказывании и «геноциде» казачества, актуализированные политическими процессами, проходившими в стране в то время. Вопросы, поднимаемые на научно-практических конференциях [2; 13], показали, что все чаще в центре научных интересов оказываются темы, касающиеся этнодемографических особенностей формирования казачества, феномена правовой культуры, практического решения вопросов преподавания казачьей истории в различных образовательных учреждениях.

С конца 1990-х гг. по настоящее время в научной среде предметом осмысления все чаще становятся не столько вопросы духовной, экономической и политической жизни казачества, сколько проблемы структурного оформления отношений казачества и государства, исторический опыт этих отношений и возможность их использования сегодня, проблемы правового и политического регулирования развития казачьего движения [3; 4; 7; 8; 11; 12].

В предлагаемой статье предпринимается попытка осмыслить особенности политической культуры российского казачества в конце XX в.

Исходя из тезиса о том, что казачья культура при всем своем «транспериферийном» своеобразии является частью общероссийской, видимо, правомочно говорить о ее инверсионно-медиативном признаке как стиле мышления, являющимся результатом всего культурно-исторического становления казачества вообще и постсоветского периода в частности. При этом важно отметить, что политическая культура и политическое сознание казачества определяются двумя векторами компонент: «территориальной самобытностью и провинциализмом», где под провинциализмом понимается качество воспроизводства «соответствующих столичных культурных феноменов» [6, с. 210].

Целостность и тотальность, характерные как для советского, так и вообще для российского типа мышления, зачастую трансформировались в современной казачьей политической культуре в упрощенные мыслительные стереотипы и автоматизмы, характерные для идеологического арсенала советской эпохи. Идеологизация всех сторон жизни советского человека в применении к казачеству проявилась в том, что даже обыденная жизнь казаков осмысливалась порой под политическим углом зрения. В этой связи интересен Приказ от 28.11.1995 г. № 144 «О вывешивании флагов в дни государственных и религиозных праздников», подписанный Войсковым Атаманом Всекубанского казачьего Войска полковником В. П. Громовым. Отмечая, что «казачество было и остается главной силой поддержания Российской государственности», а «одним из важнейших факторов в идейном и патриотическом воспитании казачества... является наглядность...», Войсковой Атаман приказывает вывешивать Государственный Флаг Российской Федерации и Флаг Кубанского казачества не только «на зданиях штабов казачьих обществ, казачьих школ – гимназий, казачьих производств и предприятий...», но и обязывает «атаманов всех уровней проводить массовую разъяснительную работу среди членов казачьих обществ о необходимости каждому казаку *изготовить* Флаг Кубанского казачества и *вывешивать его на фасаде своего дома (выделено мной – М. Г.)* в дни праздников» [16, д. 2, л. 37]. Более того, Войсковой Атаман в адрес атаманов отделов направляет Письмо от 27.02.96. № 166, в котором, отмечая «неоднократное неисполнение Приказа № 144 от 28.11.1995 г. ..., в целях наведения порядка в вопросах дисциплины и исполнительности», требует «до 20 марта с.г. навести порядок в вопросе вывешивания флагов... и решить вопрос, чтобы каждый казак Войска имел флаг Всекубанского казачьего Войска и вывешивал в указанные праздники над своим домом» [Там же, л. 54]. В этих документах прослеживается явное наследие политического детерминизма в идеологической сфере, характерного для советского типа мышления, а также проявляется и гражданская, и патриотическая основа данной идеологии.

Наиболее существенным из автоматизмов и стереотипов мыслительной деятельности инверсионной составляющей российского стиля мышления является его милитаризованный характер. В казачьей политической культуре эта черта мышления проявилась еще более явно. «Военизированный» стиль мышления был характерен для казачества на всех этапах его истории, а «военный вопрос» – наиболее часто поднимаемым в рассматриваемый период. Оформившееся к началу XX в. в «военно-служилое» сословие, казачество в конце XX в. под возрождением зачастую понимало возврат к военной службе [9, с. 26]. Появляющиеся общественные организации казаков часто назывались «войсковыми», в них постепенно утверждалась военная субординация, звания и чиновничество. Одним из основных элементов, подтверждающих принадлежность человека к казачьей организации, стала военная казачья форма и принятие Казачьей присяги, во многом повторяющей основные положения военной присяги. Казаки проводили военные парады, направляли рапорты и отчитывались в штабах о проделанной работе. Требование военной службы становилось зачастую частью политических программ казачества [5, д. 2, л. 184-186]. И хотя, как отмечает Н. И. Бондарь, возрождающиеся

казачьи войска являлись не армейской структурой, а «этнокультурным организмом» [1, с. 10], милитаризованный характер казачьего мышления являлся достаточно выраженным. По данным опроса, проводимого в Краснодарском крае Т. В. Таболиной, большинство казаков-респондентов высказались за необходимость создания казачьих формирований, координирующих свою деятельность с Минобороны России и МВД России для «защиты безопасности и поддержания порядка в Краснодарском крае» [15, с. 379]. К 1998 г., по данным Начальника Главного управления казачьих войск при Президенте РФ А. П. Семенова, казаки уже активно привлекались к военной службе, охране государственной границы. Из них комплектовалось «15 воинских частей Минобороны России и 42 погранзаставы Федеральной пограничной службы Российской Федерации» [14, с. 6-7]. Уникальный случай, когда организация, имеющая еще общественно-политический статус, имела свои официальные военные структуры в составе Вооруженных Сил страны. При этом «военизированный стиль мышления» казаков был связан, скорее всего, с ощущением себя носителями традиционной функции казачества – защитников российской государственности.

С конца 1990-х – начала 2000-х гг. в правительственных кругах наметилась явная тенденция к формированию новой национально-государственной идеологии. По мнению некоторых исследователей (в частности, С. Ю. Пантелеева), поворотной точкой стали августовские события 1998 г., обнажившие очевидный крах идеологии «свободного рынка и идей либерализма». В итоге постепенно стала утверждаться идеология, составными элементами которой становятся теория формирования новой политической нации «россиян»; общепатриотическая риторика, включающая в себя идею России как великого государства; взятие на вооружение формулы «единая и неделимая Россия». Своеобразие казачьей политической культуры состояло в том, что именно она в годы «идеологического безвременья» сохранила черты и особенности, востребованные государством при поиске нового звучания «национальной идеи».

Таким образом, являясь частью российской политической культуры, политическая культура современного казачества, как и политическая культура современной России, несет целый ряд разносторонних черт, которые можно было бы рассматривать в виде нескольких блоков. Прежде всего, это многослойность и переплетение разнотипных элементов, как традиционно-российских, так советских и модернистских (индивидуализм, права и свободы). При этом сосуществование множества этнонациональных, региональных, конфессиональных и иных субкультур в культуре казачества проявляет такую его черту, как гетерогенность. В свою очередь, фрагментарность, текучесть, неструктурированность и незавершенность политических установок и ориентаций зачастую проявлялось в конце XX в. в отсутствии общегосударственного консенсуса в понимании смыслов политической жизни, в разломах по линиям «общество – власть», «центр – периферия», «прошлое – настоящее – будущее» и т.д. Кроме того, для современной политической культуры российского казачества была характерна и антиномичность: этатизм – анархизм; коллективизм – персонализм; архаизм, футуризм, консерватизм – радикализм; шовинизм – интернационализм; прерывность – преемственность, что нашло отражение в политических требованиях, программах и заявлениях казаков.

Однако особенностью политической культуры казачества стала именно традиционность. Возрождающееся казачество актуализировало те традиционные исторические черты своей политической культуры, которые сыграли положительную роль в «оздоровлении» общественно-политических процессов конца XX в.

Список литературы

1. **Бондарь Н. И.** Кубанское казачество (этносоциологический аспект) // Кубанское казачество: история, этнография, фольклор. М., 1995. С. 10-12.
2. **Возрождение казачества: история, современность, перспективы:** тезисы докладов, сообщений, выступлений на V Международной (Всероссийской) научной конференции. Ростов-на-Дону: НМЦ «Логос», 1995. 98 с.
3. **Глущенко В. В.** Казаки и государство. Изд-е 2-е. Ростов-на-Дону: Молот, 1999. 136 с.
4. **Государственная служба казачества: история, современность, перспективы:** материалы Всерос. науч.-практ. конф. (Старый Оскол, 30 марта 2010 г.) / отв. ред. Г. О. Мацневский. Старый Оскол, 2010. 200 с.
5. **Государственный архив Краснодарского края (ГАКК).** Ф. Р-1843. Оп. 1.
6. **Давидович В. Е., Суций С. Я.** Этнические и региональные факторы в формировании культуры Юга России // Цивилизации и культуры: научный альманах. М.: Изд-во Института востоковедения, 1996. Вып. 3. Россия и Восток: геополитика и цивилизационные отношения. С. 210-225.
7. **Дулимов Е. И., Золотарев И. И.** Самоуправление казаков: история и современность. Ростов-на-Дону: Изд-во ДЮИ, 1998. 344 с.
8. **Казачество:** сборник нормативных документов. Новосибирск: Сибирское университетское изд-во, 2007. 64 с.
9. **Козлов А. И.** Возрождение казачества: история и современность (эволюция, политика, теория). Ростов-на-Дону: Изд-во Рост. ун-та, 1995. 248 с.
10. **Мацневский Г. О.** Традиционная культура и современное общество // Альманах современной науки и образования. Тамбов: Грамота, 2007. Вып. 2 (2). С. 183-187.
11. **Озеров А. А., Киблицкий А. Г.** История современного донского казачества: исследования и документы: монография. Ростов-на-Дону: ООО «Ростиздат», 2000. 320 с.
12. **Плеханов А. М., Плеханов А. А.** Казачество на рубежах России. М.: Вече, 2009. 464 с.
13. **Проблемы казачьего возрождения:** сборник научных статей. Ростов-на-Дону: НМЦ «Логос», 1996. Ч. 1, 2. 88 с.
14. **Семенов А. П.** Российское казачество // Государственное становление казачества (1996-1998 гг.): информационный бюллетень № 3. М., 1998. С. 5-7.
15. **Таболина Т. В.** Проблемы современного казачества: 1980-1990-е гг.: дисс. ... д. ист. наук. М., 1999. 617 с.
16. **Текущий архив Геленджикского районного казачьего общества (ГРКО).** Папка «Приказы».

**RUSSIAN COSSACKS AT THE END OF THE XXTH CENTURY:
POLITICAL CULTURE PECULIARITIES**

German Olegovich Matsievskii, Ph. D. in History
Department of Classical and Social Disciplines
Voronezh State University (Branch) in Staryi Oskol
2007nauka@mail.ru

The author considers the peculiarities of the political culture of Russian Cossacks at the end of the XXth century. Being a part of all-Russian political culture the political culture of modern Cossacks has the whole range of various features both traditional-Russian and soviet and modernist ones under the conditions of the co-existence of the great number of ethnic-national, regional, confessional and other sub-cultures.

Key words and phrases: Russian Cossacks; Cossacks' revival; political culture; political life.

УДК 323.3(571.5)(091)

Статья посвящена анализу причин ограниченного использования бывших красных партизан в качестве ресурса формирования региональных элит, особенностей их социального статуса на примере Восточной Сибири в первой половине 1930-х годов.

Ключевые слова и фразы: Восточная Сибирь; региональные элиты; бывшие красные партизаны и красногвардейцы; партизанские комиссии; выдвижение.

Лариса Николаевна Метёлкина, к.и.н., доцент
Кафедра политологии и отечественной истории
Иркутский государственный университет
mln@home.isu.ru

**БЫВШИЕ КРАСНЫЕ ПАРТИЗАНЫ КАК РЕСУРС РЕГИОНАЛЬНОЙ ЭЛИТЫ
(НА ПРИМЕРЕ ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ 1930-Х ГОДОВ)[©]**

Партийные и советские структуры Восточной Сибири всегда испытывали кадровый дефицит. Не были исключением и 30-е годы. Между тем, именно в этот период имелась весьма многочисленная категория лиц, использование которых могло бы способствовать существенному снижению остроты этой проблемы, – бывшие красные партизаны и красногвардейцы. Это были люди, имевшие несомненные и признаваемые заслуги перед советской властью и, соответственно, значительные шансы на вхождение в состав региональных элит. В настоящей статье попытаемся выяснить, насколько этот ресурс был использован в формировании управленческих структур региона в первой половине 1930-х годов.

В отечественной историографии эта тема до сих пор не нашла своего исследователя. Красные партизаны как предмет изучения рассматривались историками преимущественно с двух противоположных точек зрения: или в качестве активных борцов за установление советской власти в годы Гражданской войны [6; 11; 14], или как часть крестьянства, недовольная последующей политикой советской власти [4; 12]. Лишь в последнее время начали появляться работы, посвященные анализу положения бывших красных партизан уже по окончании гражданской войны [10; 13]. Таким образом, представляемая статья является первой работой в данной проблематике.

После окончания Гражданской войны партизаны продолжали оставаться наиболее социально активной частью населения и преимущественно из их числа пополнялись ряды членов и сочувствующих ВКП(б): на треть из бывших партизан состояла сибирская рабоче-крестьянская милиция, часть активных участников и командиров отрядов были выдвинуты на руководящую советскую, партийную, хозяйственную работу районного, краевого, республиканского и союзного уровня, а также в органы ВЧК-ОГПУ.

Показательна в этом отношении судьба В. Г. Яковенко, еще при жизни ставшего легендарным, организатора партизанского движения в Енисейской губернии, руководителя антиколчаковского восстания в Тасеево в декабре 1918 г., председателя районного военно-революционного штаба, с августа 1919 – председателя армейского военного совета Северо-Канского фронта. После окончания гражданской войны его карьера складывалась более чем удачно: в декабре 1921 г. избран заместителем Председателя Енисейского губисполкома, но уже в январе 1922 г. назначается наркомом земледелия РСФСР. В 1923-1926 гг. занимает пост наркома соцобеспечения РСФСР. В 1926-1936 гг. является членом Комитета содействия народам Севера при ВЦИК СССР, председателем земельной и избирательной комиссий приемной М. И. Калинина.